

Русский народ в своих песнях не конкретизирует виды цветов – как правило, цветы называются просто *цветами*, *цветиками*. Но этому есть некоторые исключения, встречаются и конкретные названия: *василек* (2 текста), *мак* (2 текста), *роза* (1 текст).

Кроме того, в песнях находит также отражение и способность цветов источать аромат: *Расцвели цветы лазоревые, / Пронесли, пронесли духи малиновые; Цвели цветики, цветы лазоревы, / Понесли-то духа, духа анисовы*.

Интересно, что для обозначения запахов, источаемых цветами, используются только «духа анисовые» и «духи малиновые». Связано это с тем, что запахи в народе не дифференцируются. По данным СРНГ *малиновый* – это 'приятный, душистый (о запахе)' [СРНГ, 17, 328]. Возможно, в характеристике запаха как малинового отражается целостное восприятие цветущего луга.

В переносном значении лексема *цветок* используется для обозначения чаще всего молодой девушки. Это традиция широко распространена как в русской, так и в мировой поэзии.

Показательно, что с цветком может сравниваться и парень. Молодые люди сравниваются с цветами на основании их красоты и возраста, так как цветок является символом молодости, расцвета.

В народных песнях представлен также и аспект действий с цветами. Девушки собирали цветы, плели из них венки, дарили их милым (8 текстов).

Венок выступает ритуальным предметом, используемым в любовной магии. Эта традиция широко распространена у всех славян. Как известно, в изготовлении венков принимали участие обычно девушки, женщины. Как и многие другие ритуальные предметы, венок подлежал уничтожению, например бросался в воду. В песнях этот ритуал находит отражение: *Нарву я с травоньки цветков, / Совью на головушку венок, / Другой на правую руку, / Пойду с ним на речку, на реку, / Стану я на крутом берегу, / Брошу венок на воду! Тонет ли, не тонет ли венок, / Помнит ли, не помнит ли дружок. / Вижу, мой венок потонул, / Знать, меня милый помянул, / Знать, что я милому мила, / Знать, я на свете дорога!*

Образ цветка в народных песнях лаконичен. Подчеркиваются такие качества, как цвет, аромат, красота. Но общие ощущения при восприятии цветов лишены конкретизации, не дифференцируются цветовые оттенки и запах. Цветок представлен и как обрядовая реалья, связанная с любовью, замужеством, поэтому начинает выступать как символ влюбленного.

Л. А. Феоктистова
Екатеринбург

Языковой образ и варьирование личного имени

Цель доклада – рассмотреть соотношение разных форм имени собственного в свете реконструкции его языкового образа (под которым понимается комплекс представлений о каком-либо имени и его потенциальном носителе, нашедших от-

ражение в языке и/или порожденных самой языковой системой). Эмпирической базой для исследования стали материалы «Словаря дериватов личных имен в русских говорах», составляемого И. В. Родионовой и Л. А. Феоктистовой.

1. Формы одного и того же имени, употребленного в его первичной функции (номинация единичного объекта), отличаются друг от друга прежде всего своей прагматикой: есть узואльно (культурно-языковая традиция) или конвенционально (языковой микросоциум) закрепленные правила употребления, следование которым или нарушение которых сопровождается тем или иным прагматическим эффектом (см., например, тенденцию использовать в деловом общении полную форму имени вместо привычного имени-отчества). Деонимизация усугубляет эти различия, выводя их из области «чистой» прагматики в предметно-понятийную область значения.

Ср., например, ц.-слав. *Мария* и рус. *Марья*. *Мария* отсылает к библейским образам – либо Девы Марии, либо сестры Марфы и Лазаря из Вифании и, соответственно, ассоциируется с духовным началом, поэтизируется (это особо ощутимо на фоне имени *Марфа*, которое может ассоциироваться с телесным, плотским): *Всё наше восстание – Мария без Марфы, душа без тела* (Д. С. Мережковский), *Синий цвет подходит к шарфу, И равна в вас благодать, как в одной признавши Марфу, В вас Марии не узнать* (М. Кузмин) [Отин, 224]. Образ *Марьи*, наоборот, приземлен и прозаичен: *Нам с лица не воду пить, / И с корявой можно жить... / Ай да Марья, Марья-клад, / Сватай Марью, Марью, сват* (Н. А. Некрасов). В народной культуре «небесный» образ *Марии* в буквальном смысле помещается на небо: арх., свердл. ‘Утренняя Венера’ (*Утренняя заря – Мария, Вечерняя заря – Анастасия, возьми бессонницу, дай парничку сна*), – а «плотское» начало в образе *Марьи* усиливается: *марья* перм., яросл. ‘болезнь малярия’, *марья* иродовна ‘лихорадка’.

В процессах деонимизации раскрывается смысловой (когнитивный) потенциал имени как такового, отдельных разрядов имен собственных (например, в «антропоморфных» номинациях, см. выше *марья*, *марья иродовна*, а также *манька* (р. Урал) ‘корова’) или какого-либо конкретного имени (*мать-и-мария* свердл. ‘травянистое лекарственное растение’). Любые вторичные употребления имени, эксплицируя тот или иной компонент ономастической семантики, воссоздают языковой образ имени.

В какой степени можно говорить о единстве языкового образа варьирующего свою форму имени? Очевидно, что наиболее актуален данный вопрос в отношении личных имен, которые существуют во множестве разнообразных вариантов.

2. Однако при омонимии деминутивов разных личных имен – явлению весьма распространенном – этому вопросу должен предшествовать еще один – о самом имени. С каким личным именем следует соотносить апеллятив, производный от одной из омонимичных уменьшительных форм нескольких имен? Так, например, *агаша* в перм. *шиша да агаша*, *третья палаша* ‘незначительные люди’ может быть образовано от деминутива одного из следующих имен, причем как мужских, так и женских: *Аганий/Агания*, *Агафон/Агафья*, также *Аглая*. Есть ряд критериев (см. ниже), которые в отдельных случаях позволяют атрибутировать производящие основы для деонимизированных слов, но какое-то количество отыменных дериватов так и остаются «неопознанными» (см., например, *агашика* верх.-волж. ‘рыба бычок, подкаменщик’, калин. ‘небольшой сом’).

В качестве критериев распознавания нарицательных производных от омонимичных уменьшительных форм имени можно рассматривать:

а) наличие, наряду с дериватом от уменьшительной формы, соотносящегося с ним производного от других (в первую очередь полной) форм имени. Ср., например, *афанас* и *афонька* арх. 'водящий в игре в прятки'. С формальной точки зрения последнее может быть образовано не только от деминутива мужского имени *Афанас*, но и омонимичного ему варианта имени *Агафон*, но общность семантики позволяет считать *афоньку* деминутивом к *Афанасий*;

б) наличие мотивационных параллелей. Ср., например, *сместиь агашу* и *сместиь акулю* перм. 'говорить вздор': женское имя во втором фразеологизме указывает на женскую же «природу» имени в первом; аналогично *агашика* и *матрёшка* свердл. 'травянистое растение – вид тысячелистника (*Achillea*)';

в) частотность имени для той или иной разновидности языка и, как следствие, его деривационную активность. Очевидно, что *маруся* мурм. 'грузило' [СРГК, 3, 200] соотносится с деминутивом имени *Мария*, а не *Маргарита* и *Марина*, которые имеют омонимичные уменьшительные формы, но находятся на периферии народного именника (*Маргарита* – всего 3 диалектизма, *Марина* – 7 при нескольких десятках производных от *Мария*).

3. Единство и целостность языкового образа имени будут зависеть прежде всего от проецируемости на языковую плоскость тех или иных компонентов иерархически организованной семантики имени [об ономастической семантике см.: Березович, 2007, 51–58; Голомидова, 1998, 16–28]; при развитой отыменной («правой») деривации – от наличия сквозных мотивов в разных денотативных сферах, по которым распределяются отыменные дериваты. В случае отсутствия сквозных мотивов можно говорить о проекциях из разных точек, или – используя термин Е. Барминского – разных «профилях» языкового образа.

«Профилирование» (т. е. придание языковому образу (стереотипу) имени определенного профиля) осуществляется прежде всего в рамках той культурно-языковой традиции, в которой функционирует данное имя. Образ *Марии*, одухотворенный и поэтически возвышенный в книжной традиции (см. выше), приобретает черты земной женщины, умудренной житейским опытом *Марьи* в народной культуре (*Не у всякого жена Марья, кому бог дал* (В. И. Даль)), а в жаргоне травестируется и выворачивается наизнанку (*Маша* – ирон. 'женщина, девушка – обычно недалекая, простоватая').

Участие в деривационных процессах разных форм имени само по себе не разрушает единства его языкового образа, следовательно, вопрос в специфике деривации на их основе (см., например, употребление деминутивов в качестве подзывных слов для домашнего скота и птицы: *маша-маша*, *машика-машика*; *дуньки-дуньки* и т. п.).

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.